

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-82-96>

УДК 008+930.85

ББК 71.1(2)52+63.3(2)52

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. М. А. Белан

г. Москва, Россия

**«НЕ НАМЪ, НЕ НАМЪ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ»:
ПОЖЕРТВОВАНИЯ УЕЗДНОГО КУПЕЧЕСТВА
НА ОПОЛЧЕНИЯ В НАЧАЛЕ XIX В.
(на примере Санкт-Петербургской губернии)**

Аннотация: Исследована практика сбора уездным купечеством пожертвований на земское войско 1806–1807 гг. (милицию) и земское ополчение 1812 г. Роль купечества в организации ополчений изучена меньше, чем участие дворянства. Известны общие суммы пожертвований городских обществ в 1812 г., а сборы на милицию остаются практически неизученными. Проанализированы конкретные практики и традиции, которыми руководствовались общества при сборе денежных и материальных пожертвований, что восполняет пробел в понимании роли городского гражданства при создании ополчений. Рассмотрены три уездных города Санкт-Петербургской губернии с разной структурой экономики: Новая Ладога, Гдов и София (Царское Село). Купеческие общины руководствовались одинаковыми принципами еще при сборе средств на милицию. Организовывалась общественная складка, участие в которой было обязательным. Общий размер сбора чаще всего определяла элита города. Взималась единая сумма с каждой души мужского пола. Но во всех общинах семьи городской элиты вносили дополнительные пожертвования, денежные и материальные, размер которых был существенен. Общий объем сборов в 1807 г. часто был не меньше, чем в 1812 г., а иногда и больше: требуется переоценка роли милиции для российского общества. В 1807–1812 гг. отмечено ухудшение положения купечества, что объясняется ростом налогов. Значительно пострадала городская элита, что вызвало ряд сложностей со сборами в 1812 г.: изучение судеб конкретных семей показало, что многие крупные жертвователи перешли в мещанство.

Ключевые слова: купечество, уездный город, сбор пожертвований, земское войско 1806–1807 гг., милиция, земское ополчение, Отечественная война 1812 г.

Информация об авторе: Михаил Александрович Белан — DPhil 3 курса, факультет истории, Оксфордский университет, George St, 41–47, OX1 2BE, Oxford, UK. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9899-1089>. E-mail: mikhailbelan@mail.ru

Дата поступления статьи: 28.12.2020

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования: Белан М. А. «Не намъ, не намъ, а имени Твоему»: Пожертвования уездного купечества на ополчения в начале XIX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 82–96.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-82-96>

«Манифестом» от 30.11.1806 г. было объявлено о созыве земского войска, или милиции, а манифестом от 6.07.1812 г. — о сборе земского ополчения. Тема вклада общества в создание земского войска [8, с. 1–33] остается малоизученной [7]: чаще всего исследователи рассматривали созыв милиции как эпизод «войны монархов», не связанный с «защитой национальных интересов и территориальной целостности государства», — в отличие от событий 1812 г. [9, с. 492–493]. Помощь населения в организации земского ополчения в 1812–1813 гг. — более традиционная тема для дореволюционной [11, с. 44–73] и советской историографии [1, с. 100–108], сохраняющая актуальность. При этом роль дворянства, отвечавшего за сбор ратников и материальной помощи, изучена в большей степени. Исследование участия городских обществ, в частности купеческих, часто ограничивалось обзором их материального вклада. Лучше всего освещено участие общин Москвы, Санкт-Петербурга и крупных губернских центров [9, с. 162–167; 15; 16]. В последнее время изучаются различные виды помощи, оказанные в 1812 г. провинциальным обществом (в том числе в рамках исследований макрорегионов — например, среднего Поволжья [3]). При этом сама сущность пожертвований на ополчения остается предметом обсуждения: в этой форме безвозмездного участия населения черты повинности военного времени сочетались с благотворительностью (сословной и личной) [5, с. 49]. Представляется актуальным обратить внимание на уездные города с небольшими купеческими общинами, которые составляли большую часть этого сословия (круг известных источников о менталитете и повседневной жизни уездного купечества в этот ранний период — особенно в военные годы — узок). В основе работы — изучение процесса сбора пожертвований на милицию и ополчение — важнейшего вклада купцов — на основе документов городских дум.

Цель исследования — провести сравнительный анализ сборов пожертвований на милицию и ополчение. Задачи: (1) установить формы участия; (2) выяснить, как определялась сумма общего вклада и мера участия каждой семьи; (3) изучить принцип добровольности; (4) рассмотреть отношение к сборам общины, «элиты» города, рядовых гильдейцев, вносителей не из купцов.

Новизна работы — в избранном ракурсе. Сборы пожертвований изучаются не столько путем анализа размеров материального вклада, сколько через реконструкцию жизни обществ уездных городов и частных лиц в «необыденное» время (исследователей уже привлекла «повседневность» войны — прежде всего участников и свидетелей военных действий [2]). Рассматривается реакция общества на поступавшие распоряжения и процесс принятия решений, действия общины и отдельных купцов. Прослеживаются судьбы основных жертвователей.

Необходимо дать определение пожертвований на милицию и ополчение. Так, С. В. Белоусов выделяет в безвозмездной материальной помощи населения в 1812 г. обязательные окладные сборы и добровольные пожертвования [3, с. 60], относя к первым поставки для армии, распоряжения о которых поступали от властей (экипировка для новых полков, лошади, вола и т. п.). Добровольными пожертвованиями в узком смысле Белоусов называет подписки, устраивавшиеся обществами: на ополчение (самая значительная), помощь раненым, беженцам, инвалидам и т. п. [3, с. 60–61]. В роли таких пожертвований выступали деньги, провизия, экипировка, оружие — собираемые общиной или вносимые в частном порядке. В. А. Бессонов на основе соблюдения принципа добровольности делит все безвозмездное материальное участие на «благотворительную помощь» и повинности военного времени, относя к нему сборы на ополчения [5, с. 43].

Однако, вводя категории, необходимо прежде всего обращать внимание на позицию современников. Манифестами 1806 г. [13, с. 904] и 1812 г. [14, с. 397] к добровольным личным пожертвованиям на ополчение приглашались все граждане (деньгами и любой иной помощью). Однако купечеству вменялось в обязанность сдать денежное пожертвование от общины (как и мещанам — выставить ратников; до 1807 г. купцы так и участвовали — деньгами — в наборах рекрутов). Фактически этот общественный сбор на ополчение делался повинностью купцов, но сумма его не предписывалась. Из документов дум следует, что отправляемые в казначейство пожертвования четко делились на основной взнос от общества и дополнительные пожертвования. Участие купцов в общем пожертвовании было строго обязательным. Этот вклад можно называть общинным: его сумму и меру участия каждого капитала определяло общество. Дополнительные пожертвования, как правило, были добровольными. «Сверх оклада» частным образом сдавали деньги, вещи и т. п. Реже община объявляла второй денежный сбор, с участием по желанию. Вопрос добровольности имеет три ракурса: насколько общества были независимы от властей, определяя в 1806 и 1812 гг. размер общего пожертвования; в какой мере решения общин были коллективными; как сочетались добровольность и принуждение внутри общины — главным образом при сборе основной суммы (И. Ю. Лапина приводит жалобы столичных купцов на раскладку непосильных обязательных взносов [9, с. 163]).

Использованы документы городских дум Новой Ладogi, Гдова и Софии (Царское Село), хранящиеся в фондах ЦГИА СПб и РГИА, в частности дела «О милиции», «Об ополчении» — почти все из них ранее не изучались. Выбранные центры рассматриваются в рамках не только административной общности, но и как части единого, исторически устоявшегося региона (в терминологии А. В. Белова [2, с. 238]). Города здесь развивались в особых условиях, защищая Россию с Северо-Западного направления. В начале XIX в. они находились в орбите Санкт-Петербурга, военно-административной столицы империи: присутствие армии, гвардии, флота, военных производств было в регионе выше, чем где-либо в империи [17]. Не случайно милицейские [8, с. 19–20] и ополченческие части, набранные в Северо-Западных губерниях [1, с. 66, 98; 9, с. 258], оказывались лучше всего вооруженными и наиболее боеспособными.

Новая Ладoga, расположенная у входа в Ладожский канал, являлась вторым по величине уездным городом губернии после столицы (канал стал частью всех трех систем, ведущих из Волги). С конца 1780-х гг. купечество здесь насчитывало не менее 200 д.м.п. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 44. Л. 6 об.], а в 1806 г. превысило 300 [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 106]. К 1806 г. здесь оставалась одна семья первой гильдии, городского главы Александра Попова, и две из четырех, числившихся в 1790 г., — во второй (Андрея и Петра Шаровых; еще один Шаров, Иван, состоял в третьей гильдии). В 1780-х гг. в трех кварталах Новой Ладogi состояло свыше 350 деревянных домов (более половины ветхих), четыре каменные церкви и полковая деревянная [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 97 об. – 98]. Гдов был небольшим уездным центром в окраинной, западной части региона. В 1780-х гг. в городе насчитывалось около 130 домов в двух кварталах, две каменные и три деревянных церкви [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 88]. К 1806 г. в Гдове было зарегистрировано всего 139 д.м.п. мещан и 123 купца третьей гильдии (до 35 семей [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 2, 24]). Оборот новоладожского купечества значительно превышал торговлю Гдова, гильдейцы которого ограничивались «мелочным и харчевым товаром» и покупками продовольствия в уезде [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 88 об.]. Ярмарок в Гдове не было.

В Новой Ладогe проводили две в год. Здесь продавались самые разные товары — купленные в столице, Москве, у прибывавших в город купцов, в том числе «проезжающих на барках»: сукна, «шелковые, бумажные и шерстяные материи», серебро отделанное, кожи, овес, пеньку, свечи, мыло, вино, рыбу, мясо и т. п. В столицу новолadoжцы отправляли «кожи выделанные и невыделанные, бревна, дрова, сено, уголье, известь, рыбу» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 98 об.].

Купеческие общины Софии, Гатчины и Павловска были невелики. В 1808 г. население пришедшей в упадок Софии перевели в Царское Село, а в 1811 г. Царско-сельской ратуше подчинили посады Павловска и Гатчины, также пустевшие (на 1812 г. во всех трех городах числилось 28 купеческих семей [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 35]). В 1806–1812 гг. здесь появлялись купцы первой и второй гильдий, в том числе с иностранными фамилиями. Но большую часть всех трех обществ составляли семьи третьей гильдии, чаще всего обслуживавшие резиденции: они занимались поставками, выполняли подряды на строительство и ремонт дворцовых, административных и военных зданий.

Производство везде развивалась медленно: в 1780-х гг. по указу Екатерины II попробовали учредить «казенную прядильную» фабрику в Гдове и три образцовые — в Софии (прядильную, полотняную, ткацкую). Вблизи Новой Ладоги располагались два завода купцов Шаровых, канатный и кожевенный, — по 20 рабочих [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 11 об., 89, 99].

Вслед за манифестом от 30.11.1806 г. думы получили предписание гражданского губернатора П. С. Пасевьева: делегатам от городов надлежало явиться на встречу с ним 13.12.1806 г., в субботу, в здание Санкт-Петербургской городской думы (как и во многих небольших уездных центрах, градские думы в рассматриваемых городах не были образованы: строго говоря, губернаторы переписывались с шестигласными думами, состоявшими из градского главы и двоих гласных из числа купцов, реже — купца и мещанина). Прибывшие делегации состояли из 4–5 купцов: обычно это были глава, двое гласных и по представителю от второй и третьей гильдий [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 907. Л. 10]. В отличие от дворянских собраний, об обстоятельствах этих встреч известно мало (исключение — встречи с купцами Москвы и Санкт-Петербурга в 1812 г.). Каждая делегация подписывалась сдать определенную сумму, обязуясь разложить ее, собрать и выслать в казначейство в кратчайший срок [13, с. 904]. В городах сразу же были созваны собрания купеческих обществ, на которых избирались раскладчики и сборщики, которые должны были под надзором главы отмечать взносы (в Гдове — в «Книге записи сборов ко благу отечества» [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 15]). Эти должности «по милиции» заняли наиболее уважаемые купцы, часто уже служившие окладчиками или на иных выборных должностях (бургомистр, ратман, гласный). В 1812 г. пожертвование в целом собиралось таким же образом. Размер общинной складки в обоих случаях все же определяло общество, а не губернатор (точнее, купцы, занимавшие главенствующие позиции). Подтверждает это недовольство губернатора размером подписки в переписке с думами в 1812 г. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 103].

Делегация новолadoжцев в лице главы Александра Попова и второгильдейца Андрея Шарова подписалась выслать к 1.03.1807 10000 руб. ассигнациями [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 3] — второе пожертвование губернии после столицы, где купцы сдали 1 млн (для сравнения: Кронштадское купечество — 8000 руб., Коломенское — 42240 руб., Можайское — 5320 руб., Нижегородское — не менее 20000 руб., Тульское — 194400 руб.) [7, с. 538, 540]. Дума выполнила обещанное без затруднений:

в начале марта в казначейство выслали 7337 руб. общинного сбора (с учетом добровольных личных взносов почти 10000), а к октябрю отправили последнюю небольшую сумму [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 73]. Купечество Новой Ладogi к 1806 г. достигло максимальных показателей: если в 1805 г. здесь числилось 294 д.м.п. купцов, то при записи на 1806 г. число выросло до 369. Скачок произошел из-за массового перехода мещан города в третью гильдию (82 д.м.п.): отчасти, по-видимому, это стало следствием тяжелого рекрутского набора 1805 г. (5 рекрутов с 500 душ), повторенного в 1806 г., — тогда как с 1797 г. нормой были легкие наборы, по 1–2 рекрута, а в 1800–1801 гг. их не было вовсе [4, с. 71–72] («бегство из мещан» фиксируется и при записи на 1812 г.: общество, росшее все предыдущие годы, сократилось с 884 до 789 душ [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 463. Л. 36; Д. 500. Л. 132]).

В Гдове, где общество было меньше, однороднее и не столь зажиточно, на милицию решили собрать 500 руб. со 123 душ [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 6]. В переживавшей не лучшие времена Софии глава Иван Персиянов и несколько купцов подписались на 300 руб. [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 907. Л. 43].

Необходимо установить, каким образом общинный сбор раскладывался на отдельных купцов и оценить, насколько эти взносы были велики для них. Выбранные в Новой Ладoge раскладчики (И. Князев, А. Калязин, Л. Мухин, И. Афанасьев) постановили две семьи второгильдейцев, Андрей и Петра Шаровых, и двоих живущих здесь иногородних гостей обложить по 200 и 300 руб., с главы Попова взять 100 руб., а в третьей гильдии собрать по 25 руб. с каждой д.м.п. — столько до 1807 г. составлял ежегодный гильдейский сбор с капитала третьей гильдии [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 13]. Для взыскания денег избрали «милицейских депутатов»: городского старосту Василия Манакова, Прокофея Давыдова и Ивана Шарова [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 10]. В результате взносы купцов (которые регистрировали семьи крупнее, чем мещане, — в том числе из фискальных соображений) в большинстве случаев были выше платимого ими ежегодного налога в несколько раз: в семьях новолadoжцев числилось от 1 до 9 д.м.п., чаще всего — 3–4, но у многих и по 5–7 душ [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 29 об.].

В Гдове решили брать меньше: по 4 руб. 15 коп. [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 15–16] с д.м.п. (столько же собирали с мещан на экипировку ратников: сумма, равная примерно двум подушным окладам [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 28]). Больше всего было принято платежей по 12 руб. 45 коп., за троих мужчин (8 семей), и по 8 руб. 30 коп. — за двоих (7 семей). Но многим пришлось сдать больше: по 5 семей внесли за 4 и 5 душ, 3 — за 6, 1 — за 7, а взносы двоих купцов (за 11 и 12 д.м.п.) были сопоставимы со сборами в Новой Ладoge [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 15–16].

Такая схема общинного сбора, по-видимому, была привычна для купцов. Для сравнения, так же — поровну — собирали складку в Серпухове, одном из главных центров текстильного производства Московской губернии: в декабре 1806 г. с 1153 д.м.п. купцов было решено брать по 33 руб. 33 коп. с души [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 12, 63].

И в Гдове, и в Новой Ладoge пожертвования на милицию поступали от купцов и сверх взноса обязательной доли в общем сборе. В Новой Ладoge сдали дополнительные пожертвования почти все купцы высших гильдий, служащие (и служившие) на должностях в городском и общинном самоуправлении, а также избранные «по милиции»: большинство этих семей числились в обществе как минимум с 1790 г. (Поповы, Шаровы, Калязины, И. Князев, Белые, Олонины, Охряевы [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1.

Д. 44. Л. 5 – 6 об.]). Глава Попов «с братом» в январе 1807 г. сдал 2000 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 33]. Вероятно, общество ожидало участия с его стороны помимо доли в общей складке: обязательный взнос Поповых был равен всего 100 руб. Однако в 1806 г. сумма в 2000 руб. составляла одну восьмую капитала первой гильдии: патриотические мотивы должны были играть большую роль в поступке градского главы. Всего же добровольные пожертвования в Новой Ладогe внесли 11 человек: староста Манаков сдал 50 руб., четверо купцов — по 25 руб. От троих купцов зафиксированы пожертвования товарами: 5 кулей ржаной муки (от «депутата по милиции» П. Давыдова), 10 четвертей гречневой крупы, 30 аршинов синего и 2 алого сукна. В числе добровольных жертвователей упомянуты и окладчики «по милиции» И. Афанасьев и Л. Мухин — последний обещал платить еще по 10 руб. каждый год, пока «продлится» милиция [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 31–32]. Не все эти пожертвования кажутся значительными: однако они лишь дополняли обязательные взносы, часто весьма ощутимые.

В Гдове, где сумма общей раскладки и обязательные взносы были относительно невелики, дополнительные пожертвования приняли иную форму: в городе собрали еще одну сумму, при участии почти всего общества. Дополнительные «добровольные» взносы превысили общинную подписку в 500 руб.: в итоге уже 18.01.1807 г. дума выслала в казначейство 1174 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 32]. Такая отдача говорит о том, что идея собрать свыше заявленного должна была исходить от большей части общины. Дополнительные взносы различались: но жертвовали круглые суммы — 10, 15, 20 руб., реже — чуть меньше или больше. Однако эти суммы не коррелируются с основными взносами (по числу душ): не удается установить, как размер дополнительных взносов был связан с размером, благополучием семьи и т. д. — и неясно, сами ли купцы определяли, сколько дать «сверх», или это решала община. Крупные купцы выделились и в Гдове, но здесь их было меньше, а взносы — скромнее. 100 руб. дали Филатовы (Козма Филатов оставался градским главой до 1812 г.), двое купцов — по 50 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 15–16]. Только пять семей из 35 не внесли ничего сверх основной раскладки: но три из них относились к крупным — уплатившим большой обязательный взнос (в двух было 5 д.м.п., в одной — 6; в остальных — 3 и 2). Это может свидетельствовать в пользу того, что решение собрать вторую сумму было коллективным — и община могла освобождать большие и бедные семьи.

В списках дополнительных пожертвований встречаются и вносители не из купцов. Повсеместно жертвовали маленькие суммы служащие: секретарь — титулярный советник — и копиист магистрата дали в Гдове 5 и 1 руб. Также записался откупщик, ярославский «государственный крестьянин» Алексеев с 25 руб., и другой Алексеев, только что записанный в купцы их казенных крестьян, — он дал 40 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 15–16]. Перспективнее всего анализ пожертвований мещан: очевидно, участвовали зажиточные или занимавшие выборные должности. Двое мещан упоминаются во всех списках Гдовской думы (дали по 10 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 28]). В Новой Ладогe в числе 11 добровольных жертвователей записан мещанин Наум Харламов Шахницкий, наравне с купцами внесший 25 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 31–32] (в 1790 г. отец Наума числился в купеческой общине [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 44. Л. 5]). Наум был одной из ключевых фигур в Новой Ладогe начала века. Его имя стояло в начале еще одного списка из 17 мещан, добровольно собравших в помощь своему обществу 1410 руб. «на снаряжение и обеспечение»

ратников. При этом четверо (включая Шахницкого) сдали по 150 руб., трое — 100 руб., один — 200 руб., остальные же — от 15 до 50 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 51–52]. Крупные взносы, превосходившие пожертвования многих купцов (как обязательные, так и добровольные), отсылают к сложному вопросу о границах между двумя сословиями, особенно внутри городской элиты. Так, в Новой Ладогe выходцы из узкого круга семей долгое время занимали выборные должности в обоих обществах (Белые, Шаровы, Охряевы и др.)

В манифесте от 30.11.1806 г. было сказано о приеме «с сугубою признательностию» оружия в качестве пожертвования [13, с. 895]. К началу 1807 г. при думax образовались небольшие «арсеналы»: одинаковую активность проявили и купцы, и мещане. В Новой Ладогe от тридцати человек — 13 купцов и 17 мещан — поступили ружья, сабли, тесаки, штыки, пики (сдавали в основном по одной вещи). Упомянуты 27 единиц огнестрельного оружия, 8 холодного, 9 древкового. Встречались и мало распространенные «орудия»: второгильдеей Андрей Шаров принес 5 пик и 4 эшпантона — оружие офицера, схожее с копьем. Выделился один третьегильдеец, сдавший две небольшие чугунные пушки: нечастое пожертвование для купечества, по крайней мере уездного [7, с. 548] (переписка об употреблении этих орудий продлилась несколько лет) [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 50]. Почти все купцы из списка принесших оружие — это те жертвователи и служащие «по милиции», кто также внес от себя деньги и товары (новоладожцы Л. Мухин, П. Давыдов, И. Князев, А. Калязин, Я. Афанасьев, Е. Захаров, Воронковы, Олонины).

К весне 1807 г. милицейские начальники забрали из городов все пожертвованное огнестрельное оружие, а также закупленное мещанами для ратников — как и заготовленную на них экипировку и деньги (46 ружей со штыками [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 50] отдали новоладожцы, которые образцово готовили своих людей, — в Софии купили лишь 47 пик — их милицейское начальство брать не стало [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 907. Л. 98–100]). Трехмесячную провизию либо тоже изъяли весной (София [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 907. Л. 89]), либо позже потребовали продать и сдать деньги в казначейство (Новая Ладога [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 75]). При этом хотя требуемое число ратников снизили с 1 от 16 душ до 1 с 57 — изымалось под расписки все, что было приготовлено из расчета на 1 с 16 (самых же ратников указом от 27.09.1807 г. перевели в армию с зачетом за рекрутов [13, с. 1292]). В Новой Ладогe остатки милицейских запасов городничий приказал продать на аукционе в 1809 г. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206. Л. 102].

Пожертвования на ополчение 1812 г. проходили в иной обстановке. Хотя процедура была похожа, ход сборов и результаты не всегда были такими же, как в 1806–1807 гг. Еще высочайшим указом от 18.12.1811 г. в городах объявили о приеме добровольных пожертвований от всех желающих: солдатской формы, экипировки, вооружения (позже и эквивалентов деньгами [5, с. 43]) — но до июля 1812 г. думы приношений не зафиксировали [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 342. Л. 11 – 11 об.; Л. 27 об.]. Вслед за манифестом от 6.07.1812 о созыве ополчения губернатор М. Бакунин сделал распоряжения, схожие с 1806 г., — и к концу июля купцы вновь подписались на сдачу общинных пожертвований [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 30].

Новоладожское купечество пообещало сдать 5000 руб.: разложить за три дня и собрать за месяц. Сумма вдвое меньше, чем в 1806 г., но и община в 1812 г. насчитывала только 222 д.м.п. Раскладчики — ими стали те же купцы, что служили «по милиции», П. Давыдов и И. Астафьев, — выполнили работу в срок. Но списки пожертво-

ваний показывают, что в этот раз, однако, взносы были не так равны, как при сборе на милицию (в 1807 собирали по 25 руб. с д.м.п.). Очевидно, теперь больше учитывалось состояние каждого купца. Но только 3000 из 5000 руб. казначейство получило почти в срок (19.09.1812 [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 33]). И только в сентябре 1813 г. глава Попов поехал сдавать еще «1235 рублей из числа пожертвованных местным купечеством из Любви к Государю и Отечеству», однако нашел, что комитет ополчения «на Мойке» «в доме барона Раля» закрыт [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 156, 159]. Попову рекомендовали обратиться в Экспедицию о государственных доходах, но, отговорившись нехваткой времени, глава вернулся в Новую Ладугу (деньги решено было хранить до окончания сбора).

В Гдове дела обстояли немного лучше: в этот раз община подписалась на большую для города сумму — 2000 руб. Возглавляли списки взносов все те же купцы, что и раньше, включая главу Филатова. Собрать эти деньги удалось [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 345. Л. 11, 16 об., 24], но о какой-либо второй складке «сверх» — как при сборе на милицию — речи не шло.

Сложности с пожертвованиями в 1812 г. были связаны с кризисными явлениями в среде купечества. «Оскудение» капиталов отмечали в 1807–1824 гг. в разных частях страны. Росло число купцов, не подтверждавших капиталы, и многие общества сильно сократились [3, с. 62; 6, с. 18]. Проблем у сословия было много (в том числе рост торговли крестьян и мещан [10, с. 117]). При этом материалы дум показывают: ухудшение положения уездных общин между 1806 г. и 1812 г. происходило параллельно росту податной нагрузки — и большой урон нанесло серьезное расстройство торговли во время войны 1812 г.

Давно предпринимались попытки показать, что многие купцы в эти годы наживались на меняющейся конъюнктуре и военных поставках (особенно в 1812 г.). Но большинство исследователей считают, что это не стало широко распространенным явлением (часто купцы в убыток себе снабжали армию всем необходимым [15, с. 152; 16, с. 103–107]). И если годы континентальной блокады и открыли, как полагал П. А. Берлин, новые возможности для части купечества (так, в условиях роста внутреннего спроса ширилось отечественное производство [11, с. 119]), в небольших уездных городах губернии между 1807 г. и 1812 г. это слабо ощущалось: большинство купцов столкнулись с новыми ценами, ускорившейся инфляцией и падением курса ассигнационного рубля (в условиях постоянного роста военных расходов [4, с. 482]). На этом фоне фискальная нагрузка на купцов стала серьезно расти. В 1807 г. требования к капиталу были подняты: в третьей гильдии — с 2 до 8 тыс. руб., во второй — с 8 до 20 [12, с. 42–43]. В результате в Новой Ладуге, где числилось 294 и 369 д.м.п. в 1805 и 1806 гг., община вернулась к уровню чуть более 200 душ, оставаясь в этих пределах до 1812 г. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 370. Л. 5 об.; Д. 547. Л. 15, 18]. Видимо, это и была основная часть общества — порядка 65 семей (повышение 1807 г., по-видимому, привело к уходу многих семей, записавшихся в предыдущие годы - в том числе при массовом переходе в 1806 г. из мещан). В 1810 г. гильдейский взнос был увеличен до 1,5%, а в 1812 г. — до 4,75%. Огромным ударом стала остановка торговли в 1812 г.: в Новой Ладуге на 1813 г. записали лишь 158 душ (155 на 1814 г. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 547. Л. 9 об. – 10]). Из 123 купцов Гдова, числившихся в 1806 г., в 1811 осталось 86, в 1812 г. — 77 (в 1806–1812 гг. ушла половина семей [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 341. Л. 46–47]).

Отчетливее всего в 1807–1812 гг. прослеживается ухудшение положения практически всей городской элиты — семей, бывших активными жертвователями и орга-

низаторами милиции. Не случайно Бакунин, недовольный сбором в 1812 г., неоднократно упоминал о личной ответственности членов думы — как основных капиталов общины («относя сие более всего к слабому усердию самих членов думы, которых долг есть не только внушением, но и собственным примером возбудить ревность в своем сословии» [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 103]). Однако в Новой Ладогке к 1812 г. проблемы были именно у первых купцов города, включая главу Попова и Александра Петрова Шарова, теперь единственного второгильдейца (Андрей Шаров перешел в третью гильдию — но он часто подписывается первым в приговорах общества — подписи позволяют отчетливо увидеть основу общины в 25–30 семей).

Расстройство финансов многих купцов хорошо отражает история займов из «четверть-процентного капитала». В 1807–1812 гг. думам было разрешено оставлять для нужд города небольшую часть собираемого гильдейского сбора (0,25%). Первые два года эти суммы помещали в Государственный Заемный банк, после чего было разрешено выдавать их местным купцам в виде ссудного капитала. В Новой Ладогке в 1808 г. отвезти деньги в банк поручили городскому старосте, а в 1809 г. — главе А. Попову. Но оба, взяв деньги, затаили с походом в банк: староста — на 4 месяца, а Попов — на 11 [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 329. Л. 10–11, 13, 42]. К 1812 г. Попов и Александр Шаров числились должниками: магистрат получил их четверть-процентный взнос за 1811 г. с задержкой в полтора года [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 329. Л. 68 – 68 об.]. После 1812 г. отмечается снижение поступлений с купцов и рост недоимок [16, с. 108]. Купцам становится тяжело платить и сам гильдейский сбор: в декабре 1814 г. новый состав думы жаловался губернатору (шестой раз за год), что уже бывший глава Попов задолжал 4900 руб. (приблизительно двухгодичная сумма гильдейского сбора с перво-статейного капитала) [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 329. Л. 104 – 104 об.]. Понятно, почему вклад Попова (давшего 2000 руб. в 1807 г.) при пожертвовании на ополчение 1812 г. составлял всего 200 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 50].

Все четверть-процентные сборы — с 1808 по 1812 г. — были выданы в качестве займов первым купцам города. В Новой Ладогке размер ссуд составлял около 1500 руб., в Гдове — 280–360 руб. В Новой Ладогке все займы достались крупным купцам, многократно упоминавшимся выше: почти все они ручались друг за друга (Л. Мухин, П. Давыдов, Я. Белой). Среди них были торговцы «хлебом» и «дровами» [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 329. Л. 73, 77]. Летом 1812 г. все четыре ссуды были продлены на второй-третий сроки (дума теперь давала займы не на год, а на два). Но 15.07.1812 г. вышло постановление Государственного совета «О сокращении Государственных расходов» [14, с. 396], приказывавшее городам остановить все «время терпящие» расходы и, оставив необходимый минимум, передать казначейству все свободные суммы — в том числе взыскав займы (выдачу новых запретили). Постановление наносило городам серьезный урон: так, в Гдове за 1812 г. поступило до 1500 руб. городских доходов (а на одну полицию тратилось 500 руб. в год), из которых теперь надлежало отдать порядка 500 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 341. Л. 68–69]. Дума Новой Ладогки составила график возврата ссуд из четверть-процентного капитала: выплаты приходились на 1814 – январь 1815 г. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 329. Л. 114] Однако заемщики возвращали деньги по меньшей мере до середины 1817 г. (когда в ссудах еще числилось 1831 руб.). Главным показателем того, что значительная часть элиты не пережила «кризис 1807–1812 гг.», является то, что при записи на 1813 г. заемщики и их поручители, все в прошлом ключевые люди общины (Мухин, Давыдов, Яков и Александр Белые и др.), перешли в мещанство. На 1817 г. остался в купцах один торговец дровами М. Рышков: заняв чуть меньше, 1200 руб., в 1812 г. он продлил ссуду лишь на год и привлек других поручителей, что,

вероятно, помогло Рышкову избежать судьбы, постигшей в 1812 г. значительную часть элиты Новой Ладogi.

Ввиду трудностей, которые купцы испытывали в 1807–1812 гг., понятно, почему думы почти не фиксировали разного рода добровольных пожертвований, вносимых сверх складки — в отличие от 1806–1807 гг. Проблемы были даже со сбором общей суммы. В Гдове ушедший незадолго до этого в отставку бургомистр Герасим Ершов, которого обязали самым крупным взносом (250 руб.), не являлся в думу, а в конце концов обещал доставить «по силе возможности своей» 100 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 13]. Новоладожская дума не могла отыскать известных всему городу купцов. Дума просила Санкт-Петербургскую Управу благочиния разыскать живущего в столице второгильдейца Александра Шарова и взыскать с него обязательный взнос в 400 руб., а также и «сверх сего сколько еще пожелает усердия своего оказать» [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 122]. Разыскивался «отлучившийся с пашпортом неизвестно куда» бывший староста В. Манаков и др. Поручители же этих купцов (Андрей Шаров, Яков Белой и другие) отказывались платить за них [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 116]. Новоладожцы, не в силах собрать даже 5000 руб., жаловались Бакунину на свое бедственное положение: «...немалая часть из гражданства малолетних и малокапитальных кои по остановившимся ныне в коммерции торговым оборотам и промыслам и в неимении никаких денег с немалою отягощенностию продовольствуют свои семейства» [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 108]. Что же касается иных пожертвований, то городничий, затребовав все «орудия», пожертвованные «во время прошедшей милиции, так и после оной», получил от думы лишь несколько непроданных клинков и упоминавшиеся две пушки «без лафетов» [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 21–22].

На фоне этого еще в начале августа 1812 г. Бакунин, не удовлетворенный размером взноса Новой Ладogi, вступил с думой в гневную переписку, требуя собирать больше обещанных 5000 руб. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 103]. В итоге дума выдала купеческим сборщикам второй комплект шнуровых книг, но было объявлено, что вторая сумма собирается добровольно — без участия общины: купцы могли приходить и жертвовать по желанию. Но нет упоминаний о том, что кто-либо явился [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 108–112].

Личные пожертвования, сделанные добровольно, конечно, в 1812 г. были. Самые значительные из обнаруженных зафиксированы в придворных городах, где общества были небольшие, но разнородные. В первые же дни войны выделились пожертвованиями третьегильдейцы Андрей Сюзиков из Царского села (500 руб.) и гатчинец Моисей Юнин (1000 руб.) [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 27, 35, 44–45, 58, 91, 248]. Известность получил Иван Персиянов из Софии: ведомости писали, что он «пожертвовал» в ополчение собственного сына [9, с. 162]. В обнаруженном деле об ополчении раскрыты детали: Персиянов с младшим сыном Федором явился 23.07.1812 губернатору, который который, вероятно, знал Персиянова — бывшего градского главу Софии. «По желанию» Федор был зачислен в Лейб-гвардии Егерский полк [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 59]: т. е. сына Иван «пожертвовал» не в ополчение — а в армию, на 25-летнюю службу. При этом Федору было 29 лет, у него была жена, две дочери и 4-месячный сын (после войны общество не один год безуспешно просило зачесть Федора за рекрута). Сам Иван Персиянов разделил участь многих купцов бывшей «элиты»: в 1813 г. он перешел в мещанство, а из его большой семьи (7 д.м.п.) взяли рекрутов в 1815 и 1830 гг. [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1084. Л. 17; Д. 1152. Л. 34]. В Новой Ладoge поступил в ополчение Наум Шахницкий (несмотря на предельный возраст — 45 лет): мещанское общество определило его в «резервный» список, но он отбыл в столицу с первой партией

ратников [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 70]. Шахмицкий был ранен во второй битве за Полоцк и вернулся в 1814 г., награжденный «серебряной медалью "В память Отечественной войны 1812 г."» [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 171 об. – 172].

Участие в сборах пожертвований на народные силы, безусловно, стало одним из важнейших и ярчайших событий в жизни уездного купечества начала XIX в. Основная, общинная часть пожертвования была близка к экстраординарной военной повинности: это был долг общин перед государством. Общий размер сбора, однако, определяли не власти, а само общество: в 1806 г. сумму называли лидеры общины на встрече с губернатором. Нет сведений о встречах с делегациями уездных городов в 1812 г., когда обстоятельства были иными: из материалов дум следует, что сумма определялась на собраниях купеческих обществ. Участие членов общины в этих складках было обязательным. Сложно установить, насколько коллективно принимались решения. Судя по подписям, в 1812 г. встречи в Новой Ладогое посещали 25–30 купцов (половина общины) — как правило, одни и те же [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 33 об. – 34, 108 об. – 109].

Вовлеченность обществ в дело создания милиции оказалась не ниже, чем в 1812 г., а объем обязательного сбора в отдельных случаях даже превышал сборы на ополчение 1812 г. (но надо помнить, что Новая Ладога и Гдов потеряли между 1806 г. и 1812 г. до 40% купеческих семей). Большим разнообразием отличались и дополнительные, добровольные пожертвования, приносившиеся купцами а также некоторыми мещанами.

При сборах общинной складки в 1812 г. в некоторых городах ощущалась меньшая уверенность: объясняется это ухудшением положения купечества в 1807–1812 гг. на фоне растущего налогообложения, экономических и финансовых трудностей, переживаемых страной. После расстройств торговли в 1812 г. еще большее количество купцов не подтверждают капиталы: переписываются в мещане в том числе многие из ранее наиболее богатых и активно вовлеченных в общественную жизнь семей (некоторые могли продолжать вести дела в мещанском звании; необходимо дальнейшее изучение таких вопросов, как социальная перегруппировка в эти годы, расширение участия мещан в делах города).

Почти исключительно на анализе действий купеческих обществ в период Отечественной войны основываются наши знания о том, как купечество понимало вызовы, с которыми столкнулась страна в начале XIX в.; как это сословие (большая часть которого проживала в небольших городах) отзывалось на идею сбора народной силы; каким образом, купечество представляло свое место и роль в защите Отечества. Поэтому представляется важным исследовать менее освещенные сюжеты. Земское войско, или милиция, вероятно, второй по важности эпизод участия купечества, помимо пожертвований на ополчение 1812 г., — но не единственный. Вопрос о связи военных пожертвований с традициями купеческой благотворительности требует дальнейшего изучения (например, известно, что в 1809 г. купцы жертвовали на войну со Швецией [15, с. 154]).

В должной ли мере был оценен вклад уездного гражданства? После милиции губернаторы получили рескрипты с благодарностью сословиям; лишь несколько обществ, внесших наибольшие пожертвования, были награждены высочайшими грамотами [7, с. 554]. Медали частным лицам и обществам за пожертвования 1806–1807 гг. — «Отечество за усердие 18 30/XI 06» — не получили широкого распространения [8, с. 32]. Более массово выдавалась медаль «В память Отечественной войны 1812 г.» («Не намъ, не намъ...»). Большая часть медалей была выпущена в серебре — для награждения

участников боевых действий. Но существовал и вариант медали из темной бронзы, предназначавшийся для дворян и купцов, внесших пожертвования. Сложно установить, сколько из них получили лица недворянского происхождения. Отмечается, что переписка о награждении купцов могла длиться годами, «и находились десятки пунктов, по которым нельзя было давать некоторым лицам эти медали» [6, с. 19]. Между тем многим городам, в том числе не затронутым боевыми действиями, понадобились годы на восстановление после тяжелых военных испытаний начала XIX в.: в победу России каждое маленькое общество внесло свой большой вклад.

Д. И. Антонелли. Портрет купца. 1820

Дмитрий Иванович Антонелли (1791–1842) Портрет купца с медалью «В память Отечественной войны 1812 года» на Анненской ленте, которой награждались именитые купцы «имеющие отличные и важные заслуги» (т. е. пожертвования). Всего таких медалей было выдано около 65000 штук. 1820 г.

Из коллекции Русского музея (Михайловский замок)

D. I. Antonelli. Portrait of a merchant. 1820

Dmitry Ivanovich Antonelli (1791–1842) Portrait of a merchant with the medal “In memory of the Patriotic war of 1812” on the Annensky ribbon, which was awarded to eminent merchants “having excellent and important merits” (i. e. donations). In total, about 65,000 such medals were issued. 1820.

From the collection of the Russian museum (Mikhailovsky castle)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
- 2 Белов А. В. 1812 год в судьбе русского города. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 326 с.

- 3 Белоусов С. В. Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года. Вестник СамГУ // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 59–63.
- 4 Бескровный Л. г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1973. 616 с.
- 5 Бессонов В. А. Калужский край в Отечественной войне 1812 г. Калуга: Золотая аллея, 2011. 256 с.
- 6 Бойко В. П. Отечественная война 1812 года и томское купечество // Вестник ТГУ. История. 2012. № 4 (20). С. 17–20.
- 7 Горновский И. А. Сто лет назад. Милиция 1806–1807 годов и пожертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.
- 8 Гулевич С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. СПб.: Экономическая типо-литография, 1906. Т. 1. 458 с.
- 9 Латина И. Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008. 626 с.
- 10 Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
- 11 Отечественная война и русское общество: 1812–1912 / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: Тов-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 5. 295 с.
- 12 Рындзюнский, П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.
- 13 Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб: Тип. 2 Отделения Собственного Её Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXIX. 1391 с.
- 14 Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб: Тип. 2 Отделения Собственного Её Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXXII. 1129 с.
- 15 Семенова А. В. Московское купечество в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 151–155.
- 16 Трошин Н. Н. К вопросу об участии купечества в Отечественной войне 1812 года // История и историческая память. 2012. № 6. С. 101–108.
- 17 Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.; СПб.: Центрполиграф, 2007. 276 с.

© 2021. Mikhail A. Belan
Oxford, United Kingdom

**“NOT UNTO US, NOT UNTO US, BUT UNTO THY NAME”:
THE RESPONSE OF DISTRICT MERCHANTS
TO RAISING PEOPLE’S MILITIA
IN 1806–1807 AND 1812–1814
(by the example of St. Petersburg province)**

Abstract: The paper examines practices of collecting donations by district towns merchants for the 1806–1807 “zemskoe voisko” (militia) and the People’s militia of 1812. Up to this day the researchers highlight merchants’ role for the organization

of militias less than that of the nobility. That said only total amounts of merchants' donations in 1812 are now available, while raising money for the first militia remains a virtually unexplored field. The paper deals with specific practices and traditions within communities that determined the collection of money and material donations. Given study fills the gap in our understanding of the role of Russian citizenry in creating militias. The author addresses three district towns of the St. Petersburg's province with different economic background: Novaya Ladoga, Gdov, and Sofia (Tsarskoe Selo). All merchant communities adhered to same principles at the very stage of raising funds for the first militia. They formed a community donation, for which participation was mandatory. The amount of the community donation was most usually set by the town elite. The donation was split equally to be raised from each male soul. But in all communities' urban elite families contributed additionally, with money or material donations, and their share was significant. Seeing that the total amount of donations in 1807 frequently equalled that of 1812, and sometimes was even more, the role of the first militia for the Russian society deserves reassessment. 1807–1812 saw merchants position worsened due to the increase of taxes. The town elite suffered significantly, which caused problems when collecting donations in 1812: a study of lifepaths of merchants elite families shows that many important donators had to register to “meshchane” (petty bourgeoisie).

Keywords: Russian merchant class, district town, voluntary donations, contributions, militia of 1806–1807 (zemskoe voisko), national militia of 1812 (zemskoe opolchenie), the Patriotic War of 1812.

Information about the author: Mikhail A. Belan — DPhil 3 courses, Faculty of History, University of Oxford, George St., 41–47, OX1 2BE Oxford, United Kingdom. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9899-1089>. E-mail: mikhailbelan@mail.ru

Received: December 25, 2020

Date of publication: June 28, 2021

For citation: Belan M. A. “Not unto us, not unto us, but unto thy name”: the response of district merchants to raising people's militia in 1806–1807 and 1812–1814 (by the example of St. Petersburg province). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 60, pp. 82–96. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-82-96>

REFERENCES

- 1 Babkin V. I. *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda* [National militia in the Patriotic War of 1812]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1962. 212 p. (In Russian)
- 2 Belov A. V. *1812 god v sud'be russkogo goroda* [1812 year in the fate of a Russian town]. Moscow, Politicheskaja entsiklopedija Publ., 2018. 326 p. (In Russian)
- 3 Belousov S.V. *Kupechestvo srednego Povolzh'ia v Otechestvennoi voine 1812 goda* [Merchants of the mid-Volga region in the Patriotic War of 1812]. *Vestnik SamGU*, 2010, no 3 (77). pp. 59–62.
- 4 Beskrovnyi L. G. *Russkaia armija i flot v XIX veke* [Russian army and navy in the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 616 p. (In Russian)
- 5 Bessonov V. A. *Kaluzhskii kraj v Otechestvennoi voine 1812 g.* [Kaluga region in the Patriotic War of 1812]. Kaluga, Zolotaia alleia Publ., 2011. 256 p. (In Russian)
- 6 Boiko V. P. *Otechestvennaia voina 1812 goda i tomskoe kupechestvo* [The Patriotic War of 1812 and Tomsk merchants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2012, no 4 (20), pp. 17–20. (In Russian)

- 7 Gornovskii, I. A. *Sto let nazad. Militsiia 1806–1807 godov i pozhertvovaniia na nee* [Hundred year ago: Militia of 1806–1807 and donations for it]. *Russkii arkhiv*, 1904, no 8, pp. 534–554. (In Russian)
- 8 Gulevich, C. A. *Istoriia Leib-gvardii Finliandskogo polka, 1806–1906 gg.* [The history of Leib Guard Finland regiment]. St. Petersburg, Ekonomicheskaiia tipo-litografiia Publ., 1906. 458 p. (In Russian)
- 9 Lapina I. Iu. *Zemskoe opolchenie Rossii 1812–1814 gg.: issledovanie prichin vzniknoveniia gubernskikh voinskikh formirovanii i analiz osnovnykh etapov ikh uchastiia v voine s Napoleonom* [National militia of Russia 1812–1814: the study of the origins of provincial military forces and the analysis of the main stages of their involvement in the War with Napoleon: DSc in History thesis]. St. Petersburg, 2008. 616 p. (In Russian)
- 10 Mironov B. N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [Russian town in the 1740s–1860s: demographical, social, and economic development]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 272 p. (In Russian)
- 11 *Otechestvennaia voina i russkoe obshchestvo: 1812–1912* [The Patriotic War and the Russian society: 1812–1912], edited by A. K. Dzhivelegov, S. P. Mel'gunov, V. I. Pichet. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina Publ., 1912. Vol. 5. 295 p. (In Russian)
- 12 Ryndziunskii, P. G. *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii* [Urban citizenry of the pre-reformed Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. 559 p. (In Russian)
- 13 *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii Pervoe Sobranie* [The full collection of laws if the Russian empire First collection]. St. Petersburg, Tipografiia 2 Otdeleniia Sobstvennogo Ee Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii Publ., 1830. Vol. XXIX. 1391 p. (In Russian)
- 14 *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii Pervoe Sobranie* [The full collection of laws if the Russian empire First Collection]. St. Petersburg, Tipografiia 2 Otdeleniia Sobstvennogo Ee Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii Publ., 1830. Vol. XXXII. 1129 p. (In Russian)
- 15 Semenova A. V. *Moskovskoe kupechestvo v Otechestvennoi voine 1812 g.* [Moscow merchants in the Patriotic War of 1812]. *Voprosy istorii*, 2012, no 12, pp. 151–155. (In Russian)
- 16 Troshin N. N. *K voprosu ob uchastii kupechestva v Otechestvennoi voine 1812 goda* [To the question of the participation of merchants in the Patriotic War of 1812]. *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*, 2012, no 6, pp. 101–108.
- 17 Iurkevich E. I. *Voennyi Peterburg epokhi Pavla I* [Military St. Petersburg of the epoch of Paul I]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 276 p. (In Russian)